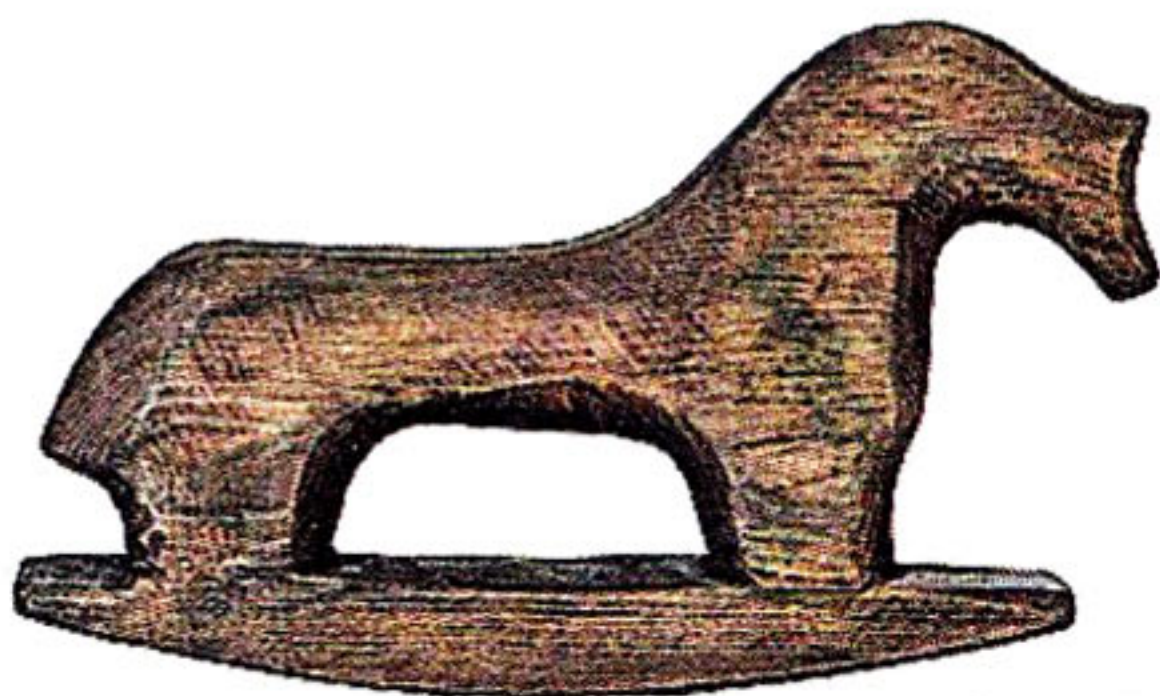

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ШЕРГИН

Собрание сочинений
ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

ОЧЕРКИ
СТАТЬИ
ПИСЬМА

НО «ИЦ «Москвоведение»
Москва
2015

ПУСТОЗЕРСКИЙ СВЕТ

... Сохранились писанные свидетельства и устные предания об огненном конце Аввакума. Всю жизнь «огнем горевшего».

Невысокий сруб окружал 4 столба, обложенные дровами, соломой и смолой.

Четыре столба. С Аввакумом приказано было жечь и троих его товарищей. (Гуртом дешевле. Дров меньше идет).

Мученики поклонились друг другу в ноги. Потом народу. На стороны.

Взошли на костер. Их быстро прикрутили к столбам.

Кругом костра стали стрельцы; дальше замер народ.

Костер подсветили.

Когда огонь охватил рубища мучеников, Аввакуму удалось освободить правую руку. Высоко поднял он двуперстый крест и, заглушая шум и треск пламени, стал говорить:

«Тако молитесь. Коли будете таким крестом креститься, вовеки не погибнете. А покинете этот крест и городок ваш песком засыплет».

* * *

«Крестный» путь Аввакума был окончен. Горящий огнем сожжен огнем, чтобы быть светочем, светящим в темную даль веков.

Не стало Аввакума. Но прошли десятки лет и около его смерти создан целый рой преданий.

Говорили, что когда он умирал и душа отлетала из тела, белый голубь вылетел из огня.

Говорили, что солнце спрятало свои лучи в минуту его смерти.

Аввакум был прав, когда говорил, что костры мучеников больше солнца светят в темные уголки земли и темные больные души.

Много душ осветил и согрел огонь его костра.

Прав он был тогда, когда говорил, что «из каждой золинки сожженных из пепла, аки из золы феникса, вырастут тьмы тем христиан».

Из золы пустозерского костра выросли не только тьмы верующих, но и великое дерево свободы*.

Ужасны были для «расколыщиков» времена Алексея, Петра I, Елисаветы.

* Старообр. Еп. Михаил «Огнем горящий». Повесть из жизни протопопа Аввакума.

Но страшным было и подлое время Николая I.

Не помянет старообрядец добром и блаженной памяти двуличного Николая Александровича.

При нем на кострах староверов не жгли, но в тюрьмах гноили.

Сколько угодно.

При нем господствующая церковь, давным-давно из «соборной и апостольской» превращенная в обер-прокурорскую и достойно возглавленная Григорием Ефимовичем, в союзе с полицией систематически травила и преследовала старообрядцев*.

Светлая, как солнце, личность его не может вызывать других чувств, кроме глубочайшего уважения и преклонения.

И вот, года четыре назад, старообрядцы обратились в министерство внутр. дел с просьбой.

Просили позволения поставить на месте сожжения прот. Аввакума в Пустозерске крест.

К прошению приложили и металлическую дощечку с пояснительной надписью, долженствующую быть прибитой ко кресту.

Заволновались в синодских кругах.

И старообрядцам грубо отказали в просьбе.

Впрочем причину отказа сообщили: «Аввакум сожжен за великие на царский дом хулы». (!)

При этом, так доверчиво представленную дощечку в министерстве разбили на мелкие части и кусочки прислали старообрядцам-ходатаям.

На этих же годах, на одном из своих съездов в Москве, старообрядцы снова пытались поднять вопрос об увековечении памяти протоп. Аввакума и других мучеников старообрядчества.

Но представитель полиции, под угрозой закрытия собрания, запретил об этом говорить.

1917

* В начале войны несколько человек старообрядцев было представлено к производству в офицеры. Но начальство предварительно запросило синод – нет ли закона, препятствующего старообрядцам быть офицерами. Синод запросил миссионеров. В миссионерском лагере началась суматоха. Заскрипели и перья «защитников православия». Учитывая полнейшую неосведомленность общества и правящих кругов о старообрядчестве, миссионеры в своем «отношении» возвели на старообрядцев возмутительнейшую клевету. Обвинили в государственной измене. На основании этой клеветы старообрядцы признавались вреднейшими людьми в России. Клевета была опровергнута, производство состоялось, но старообрядчество, десятки тысяч сынов которого бьются с немцами, было глубоко оскорблено. Святая память страдальца Аввакума почтена многими художниками слова. У Мережковского, напр., есть поэма «Протопоп Аввакум», часто почти дословно передающая автобиографию мученика.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Над снежными еще полянами разносится по северу переливный, частый звон светлой недели. Но уж начали синеть снежные сугробы, и таят они под собой вешнюю воду, холодную и чистую. А там, в сердце России, далеко сошел снег, подсохли дороги, и скоро начнет сквозить бледная зелень деревьев. Хорошо в эту пору в Москве на окраинах. На шестой неделе поста пришлось нам быть на знаменитом Рогожском старообрядческом кладбище. Собственно кладбище не так велико, большую часть громадного участка земли, носящего это звание, занимают храмы, училища, богадельни и т.п. здания.

Рогожское кладбище – центр поповщины для всей России.

Мы, с нашим спутником-старообрядцем, присели на крыльце величественной многоярусной колокольни, возносящей вверх золотые главы. Солнце клонилось к закату, зажигая червонными бликами купола и кресты, распростершие в синеве небесной свои перекладины.

Слева в зимнем храме шла служба.

Там снопы желтых, льющих медовый аромат свеч горят перед древними ликами в золотых кованых окладах. Трепетно переливаются и мерцают драгоценные камни. От узорных нимбов свисли вниз жемчужные рясна.

Тускло блестит парча тяжелых облачений. Над опушенной мехом жемчужной шапкой архиепископа склоняются рипиды. И под бряцание кадил в струях ладана поднимается над темными рядами молящихся двуперстно благословляющая десница.

На высоких аналоях шелестят расписанные золотом и киноварью страницы пудовых крюковых книг и мерно, торжественно-унылыми аккордами несутся звуки древнего знаменного напева.

– А что было раньше? – заговорил наш спутник, – так ли было лет десять-пятнадцать назад? То ли видели наши деды и отцы?

И рассказал он нам грустную повесть.

Была тогда такая же весенняя радостная пора – последние дни страстной недели.

Так же радовались люди ожиданию великого праздника возстания Солнца праведного.

Сумрачно было только в древнем благочестии.

Гонительное было время. Умирал в ссылке митрополит Амвросий. Старообрядческое духовенство преследовали и травили без устали. Запрещены были службы, и на Рогожских храмах висели печати.

Настала ночь, которую сладкоголосый поэт Дамаскин славословит в своем каноне, как священную, светозарную и светоносную.

Христова ночь.

На окраине Москвы, в одном из глухих переулков, под самой крышей дома богатого купца шла тайная служба.

Наглухо были закрыты и задвинуты ставнями окна, а у ворот на всякий случай поставлены караульные. Могли прослышать и явиться власти.

Пришлось бы хозяину расстаться не с одной сотенной, а попа ожидал острог или ссылка. В горенке, где совершалась служба, и в прилегающем к ней помещении было много народу. Службу правил молодой священник Евтропий. Его с трудом разыскал для праздника хозяин и «под рогожкой» привез его накануне.

Отпели канон великой субботы. Зажгли свечи и начали пасхальную службу. Тропари и ирмосы канона справили по уставу с припевами, и только начал священник: – «Аще и во гробе сниде безсмертие», как с улицы донесся звонкий стук в ворота.

Послышались громкие голоса. Внизу гулко затопали по половицам. На чердаке по лестнице кто-то бежал. Все поняли, что нагрянули власти. Поднялась суматоха.

В моленной торопливо гасили свечи и рвали со стен образа.

– Не отпирай покудова, – кричали вниз. – Дай попа ухороним!

Никто не ожидал, что в такую ночь потревожат, не дадут встретить праздник.

Снизу вопила какая-то женщина.

– Батюшку прячьте, батюшку берегите!

Священник в ужасе метался по комнате.

– Одевай, батько, кафтан, – с трясущимися губами кричал хозяин, – встаньте которые в дверях поплотнее, – авось успеем!

Но уж было поздно. Близко стали слышны шаги и бряканье оружия. Столпившихся у входа быстро оттеснили. В дверях стояла полиция.

– Взять попа! – скомандовал пристав.

В паническом ужасе бросился священник в боковую дверцу, ведущую на чердак. Квартальный за ним... Мешают Евтропию бежать парчевые одежды, заплетаются ноги. Вот сейчас запнется и свалится.

Перескочил еще через балку. Больше некуда... Перед глазами слуховое окно...

В безумии ужаса, не разсуждая, вскочил он на подоконник.

– Господи прости!.. – громко крикнул.

И бросился вниз.

Взметнулась епитрахиль, звякнул крест, парча блеснула...

Разбился Евтропий насмерть.

Около распростертого на камнях священника в белых рясах собралась толпа. Рыдали одни, а у других мрачным огнем загорались глаза. Судорожно прижимали они к сердцу два перста, словно клялись в чем.

Квартальные составляли протокол о причинах, вследствие которых «вышеозначенный лжепоп Евтропий» не мог быть арестован.

А он лежал, раскинув руки, и кровь от виска струйкой вилаась по белому подризнику...

– Я тогда еще невелик был... Об эту пору весной все было, как сейчас вижу, – закончил наш спутник.

Он поник головой.

И в серебряной бороде блеснула слеза.

И вдруг гулко загремели над нами колокола. Из открытой двери храма торжественно донесся унисонный напев.

Снова проглянуло солнышко, затянувшееся было облачком.

Все это так, но, ведь, идя на костер, сказал Аввакум, что каждая капля крови мученической и каждая щепочка и золинка от костров, на которых жгли доблестных богатырей духа, как зерно, дадут урожай сам-сто и сам-тысяча.

ПО ВЕРЕ

Пришли к староверкам на Благовещенскую в первый день пасхи посмотреть «царскую вечерню» по древнему обряду.

В пять часов на клиросе ударили в кандию, и в моленную двумя дверями из трапезной вошли христиане. Стали рядами. Мужчины справа, женщины слева.

Опять ударили в кандию, воскурили ладан, разогнали на высоких аналоях древняя крюковые книги, запели странным однообразным напевом. Моление началось...

Яркая и темная предковая красота иконостаси – озарена десятками желтых свеч и лампад. Плышет к потолку синий дым темьяна, шелестят лестовки, шуршат шелковые шали, старинные сарафаны женщин.

Над всем встал суровый староверческий напев:

– Христос воскресе из мертвых
Смертию на смерть наступи
И гробным живот дарова.

На хорах, откуда разрешается посторонним смотреть и слушать, у левого окна сидит сегодня необычная публика.

Молодой человек в английской форме, две дамы в белых косынках и реалист.

Они не отрываясь смотрят вниз. Лица у них ласковые. Изредка делятся впечатлениями. Их радует неведомая ранее красота старого обряда, умиляют люди, умеющие так стильно молиться.

Оба клироса вышли на сход во второй раз. Запели «Пасху».

Мальчик канонарх выкликает гласы и запевы, а хор сурово и вместе радостно отвечает:

– Да воскреснет Бог и разыдутся враги его...
– Пасха священна намо дэнэсэ, пасха таинственная, пасха весечестэная...
– Сий день иже сотвори Господь возрадуемся и возвесэлимся в он...
Сильный мужской голос, странно вибрирующий, запеваает:
– Пасха кра-асэвнаа... Пасха Господэня пасха...

Протяжно, дружно вода голосами то вверх, то вниз, спели последнюю стихиру:

– Воскресение дэже и просветимося торжествомо, и друго друга примэмо. Рцели братие: И ненавидящийхо насо простиме вся воскресэниеме. И тако возопиемо: Христосо воскресэ из меретовыхо, сомертею сомерте поправо и сущиимо во горобехо живото дарова.

А разойдясь по клирасам, снова монотонное:

– Христос воскресе из мертвых

Смертию на смерть наступи

Реалист из компании наблюдающих с хор, в увлечении перегнулся через перила. Брови у него удивленно приподняты, а губы поминутно расплываются в улыбку.

Он музыкант, и староверческое пение ему кажется диковинным. Впрочем, все происходящее ему нравится, и под конец он уверенно по-староверчески гудит «Христосо Воскресе».

К компании подсаживается молодец в пиджаке, подстриженный в скобку.

Каждый раз, как молодой человек в военной форме обращает внимание своих дам на какую-нибудь затейливую особенность гласовых мелодий, молодец в пинжаке шепотом, но обстоятельно, разъясняет:

– У здешних христиан пение оновое, иначе – хомовое, раздельноречное, а у приемлющих священство – праворечное. Однако и то и другое две ветви одного древа...

– В Москве будете, побывайте на Рогожском, там тоже поют до чрезвычайности...

В моленной служба к концу. Гаснут свечи. Сумрачно. Отпели последнее «Христос Воскресе».

Звенит кандия. Плавно, все как один, касаясь руками подручников, кладут люди исходное начало.

Чинно склоняются черные силуэты мужчин в долгих кафтанах.

Снова полна церковь шепотом молитв, шорохом лестовок, шелестом шелковых сарафанов и шалей.

Долго потом звучит в ушах:

– Христосо Воскресэ изо мэртавыхо,
Сомертею на сомертэ наступиво,
И гробнымо живото дарова.

